

Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции

Из шести типов надстрочных знаков, возможных в средневековых русских рукописях¹, знаки ударения по распространенности и последовательности употребления занимают одно из первых мест. В задачу статьи и входит последовательное рассмотрение орфографической системы знаков, передающих русское словесное ударение. Исследование проведено по датированным памятникам XIV—XVII вв. (сокращения в названиях использованных источников см. в конце статьи), поскольку такие рукописи позволяют представить хронологический контур и территориальное варьирование в изменениях орфографической системы².

Материал изложен в следующей последовательности. Статистические сведения о древнерусских и среднерусских рукописях сопровождаются краткими справками о правилах употребления сил, извлеченных из средневековых грамматических руководств. Затем рассмотрена орфографическая практика древнерусских писцов — относительно каждого знака ударения в отдельности (графическая характеристика) и в связи с прочими знаками

¹ Т. е. знаки словесного ударения (*силы*), количества гласных (*времена*), интонации (*страсти*), словесного приступа (*духи*), слогоделения (*паерки*), сокращения (*вымолвленные*: титла, взмет, покрытие, смычек).

² Таким образом, под ударением в тексте всегда понимается динамическое ударение, к которому относится и термин *акцентологический*; термин *просодический* определяет известную характеристику слова. В примерах из текстов даны некоторые упрощения, например, *и* и *і* одинаково обозначаются через *и*; *о* и *ω* одинаково передаются буквой *о*, и т. д. Эти орфографические упрощения не существенны для наших целей, так же как и обозначение некоторых надстрочных знаков, не изученных в данной статье (например, знаков придыхания).

сил в границах отдельной рукописи (орфографическая характеристика). В связи с необходимостью затронуть количественные и качественные характеристики подударных гласных в некоторых разделах приводятся и фонетические реконструкции сил (такие фонетические реконструкции всегда особо оговариваются). Все линии исследования соединяются в обобщающей таблице, которая устанавливает пять этапов в развитии знаков ударения на русской почве.

Статистический подсчет датированных рукописей из собраний Ленинграда относительно употребления сил дает следующие результаты.

Таблица 1

Количественное соотношение акцентованных и неакцентованных датированных рукописей XV—XVII вв.

Время написания рукописи		до 1450	1450—1499	1500—1550	1551—1599	1600—1650	1651—1702	Всего датированных рукописей, %
Русское ударение	Последовательно акцентованные	—	5	21	56	101	83	267—47
	Редкие знаки ударения	—	4	20	24	7	8	63—11
Нет русского ударения	Неакцентованные	6	24	47	24	28	40	169—30
	Южнославянская акцентовка	2	22	25	15	4	—	68—12
	Итого	8	55	113	119	140	131	566—100

Как показывают подсчеты, по отдельным большим собраниям (например, Новгородского софийского или Кирилло-Белозерского монастыря), а также и при возрастании числа источников за счет недатированных рукописей того же периода, общее соотношение четырех типов памятников (см. табл. 1) относительно применения сил вряд ли будет колебаться в больших пределах. Приведенные цифры приводят к следующему выводу.

В русской письменности общая линия изменения в характере акцентованных рукописей такова: число неакцентованных источников и рукописей со следами южнославянской акцентовки (два последних типа таблицы) с конца XV в. увеличивается за счет рукописей

с непоследовательной (очень редкие знаки ударения, обычно в некоторых словах — тип 2), а эти последние, постепенно увеличиваясь численно, со второй половины XVI в. уступают место последовательно акцентованным русским рукописям (тип 1). Самое широкое распространение таких рукописей с отражением русской акцентной системы приходится на первую половину XVII в., затем число их постепенно уменьшается за счет неакцентованных, а в начале XVIII в. акцентованные рукописи почти выходят из употребления.

Учитывая наибольшую частотность того или иного типа источников, можно сказать также, что преобладание неакцентованных рукописей (до середины XVI в.) во второй половине XVI в. сменяется преобладанием акцентованных и их полным расцветом в первой половине XVII в. От первой половины XVII в. до нас дошло также множество недатированных памятников со знаками ударения русского типа. В целом половина всех датированных источников (58%) отражает русское ударение, что достаточно для акцентологического исследования.

До настоящего времени исследовались преимущественно рукописи, отражающие определенно русское ударение (имеется в виду его совпадение с современным русским литературным ударением), а это рукописи, датированные концом XVI в. и более поздние³. Более ранние акцентные системы, отраженные в памятниках до середины XVI в., априори считались «нерусскими» и обычно устранялись из акцентологического исследования⁴. Между тем исследование таких «промежуточных» систем, установление их связи с более поздними русскими или синхронными им южнославянскими акцентовками — настоятельная задача, встающая перед русской исторической акцентологией.

Обозначение сил, судя по средневековым русским грамматикам, подчинялось некоторым правилам, которые суммарно можно изложить следующим образом⁵.

³ См. Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. Л., 1929.

⁴ См. В. В. Колесов. Об одной древнерусской диалектной системе ударения. — «Вестник ЛГУ», № 8, 1965, вып. 2.

⁵ См. И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. «Исследования по русскому языку», I. СПб., 1895.

Оксия (*оксь, пооксь, острая*) ' ставилась в начале, середине и конце слов и могла служить для различения отдельных грамматических форм. Например, в отличие от вари: вин. падеж множ. числа на по^кои — местн. падеж ед. числа на по^кою; краткое прилагательное муж. рода род. пад. бѣла — то же прилагательное женского рода бѣла; повелительная форма глагола не^сите — 2 лицо ед. числа настоящего времени не^сетѣ. Однако с дифференциальной точки зрения не место расположения оксии, а именно характер знака служит здесь для различения форм: оксия на срединном, вариа — на конечном слоге слова.

Позиционным вариантом оксии являлось также ее соединение с *псиллю* ' над начальным гласным: ѡдъ, ѡгтръ. Этот знак, называвшийся также *иссо*, *искъ*, довольно последовательно употреблялся в акцентованных русских рукописях, выполняя разграничительную функцию.

Вариа ', как сказано, употреблялась над конечным открытым слогом, который был ударным. Правда, теоретические руководства допускают варию и над конечным закрытым слогом (*дученѣкз*), однако практически такое употребление очень редко. Максим Грек специально предостерегал против употребления этого знака в середине слова: так у русских делают только некоторые «грубые» писцы.

Учитывая все это, можно сказать, что в русской традиции вариа — обычно позиционный вариант оксии, который, как и *иссо*, одновременно служит и указателем границы слова. Исключения следует сделать для источников, которые наряду с варией употребляют камору (*горѧ — гелѧ*) или распространяют знак вариа на срединные слоги. Исконное различие между оксией и варией на славянской почве подчеркнуто Константином Костенским: в отличие от оксии («ударение идет устами») знак вариа обозначал ударение, которое «идет горлом»; оба эти ударения могли быть на любом слоге слова и отличались друг от друга именно характером произношения. В отличие от оксии и каморы, передававших в древности господствующие тоны, вариа (по тому же свидетельству) обозначала сопутствующий тон.

Это не просто трансформация греческих правил просодии на славянской почве. Сам факт обобщения знака

варии над конечным открытым слогом, который еще в праславянском языке утратил интонационные различия, весьма характерен. В этом направлении и шла, например, мысль Н. С. Трубецкого: он пришел к выводу, что в древнейших славянских текстах оксия и камора обозначали интонацию ударного гласного, а вари́я указывала на ударный слог, лишенный тона⁶.

Третья сила — *камора* $\hat{\quad}$ (*периспомени, облеченная, покрышка*) — употреблялась над односложными словами типа $\overline{но}$, $\overline{бо}$, $\overline{си}$, $\overline{мнѣ}$ и в «супружественных» словах типа $\overline{гѡроу}$ — $\overline{гѡрѣ}$ — $\overline{гѡры}$ — $\overline{гѡрѡи}$ и т. д. (ср. еще $\overline{покрѡшѡла}$, $\overline{сокрѡхѡз}$, $\overline{сокрѡти}$ и под.). По указанию Константина Костенянского, камора обозначала наиболее «свободное», «сердечное», «просторное» ударение. В русских трактатах употребление $\hat{\quad}$ допускается на двух последних слогах: либо на долгом конечном ($\overline{горѡ}$), либо на долгом предконечном ($\overline{бѡудѡта}$). Поскольку позиционно камора входила в столкновение с оксией и вари́ей, можно предполагать, что и в русских рукописях она употреблялась в иных функциональных значениях, чем ' и ` . Это тем более верно, что в некоторых руководствах довольно сбивчиво говорится о возможности смешения каморы с другими просодическими знаками, именно с *кендемой* (двойной вари́ей $\hat{\quad}$), которая может заменять камору над односложными словами типа $\overline{нѡ}$, $\overline{бѡ}$, $\overline{сѣ}$, $\overline{мнѣ}$, и с долгой $\overline{\quad}$, которая может заменять камору (а также и вари́ю) на долгом конечном слоге ($\overline{горѡ}$ — $\overline{горѡ}$ — $\overline{горѡ}$). Двойная оксия (*сквавы, свады*)⁷ обычно рекомендуется для написания над некоторыми гласными (например, над $\overline{і}$) и в нашем случае не имеет никакого значения.

Прежде чем перейти к рассмотрению данных самих русских рукописей, необходимо установить статистическое распределение акцентов на разных слогах в слове, т. е. теоретически обосновать возможность и частотность употребления того или иного знака в русских памятниках.

Статистические подсчеты проведены по списку XVII в. (БАН, 17. 5. 27) «Послания Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь», написанного в 70-е гг. XVI в. На 20 575 слогов приходится 7 033 ударных; средняя

⁶ N. S. T r u b e t z k o y. Altkirchenslawische Grammatik. Wien, 1954, S. 44.

длина фонетического слова, следовательно, равна 2, 92 слогам. Предварительные подсчеты по тексту псалтири дают цифру 3, 06. По-видимому, трехсложное слово — норма русского языка на протяжении длительного периода⁷. Оставляя в стороне безударные (2 397) и ударные клитики, а также односложные слова (1 036), рассмотрим употребление сил в многосложных словах (различие между открытыми и закрытыми важно только для конечных слогов).

Таблица 2

Употребительность ударения на разных слогах слова

Ударение Слово в:	на первом	на втором	на третьем	на четвертом	на пятом	Всего
		откр. закр.	откр. закр.	откр. закр.	откр. закр.	
2 слога	1638	726 354				2718
3 слога	506	942	220 110			1778
4 слога	91	525	342	18 21		997
5 слогов	21	52	306	25	— —	404
Итого	2256	2599	978	64		5897

Таким образом, на 16 678 слогов приходится 5 897 ударений. Для нас важно, что общее отношение оксии к вари (срединный и конечный закрытый слог по отношению к конечному открытому) составляет $4\ 933 : 964 = 83,7\% : 16,3\%$. Если же учитывать весь текст, т. е. слова с числом слогов более пяти, а также клитики, окажется, что надстрочные знаки, обозначающие ударение конечного открытого слога, встречаются еще реже (около 10% всех употреблений акцентных знаков).

Ниже рассмотрена орфографическая практика древнерусских писцов в обозначении сил.

Точка как знак ударения довольно последовательно отражена только в Пр. 1581 г., ср. распáше, влйжнаго, кзáкз, доврб́ота, кознб́гиши, кнáзь и мн. др. В Лицевом сборнике 1659 г. (Ярославль) точка стоит только над á, ср. пáкы,

⁷ См. Е. Г. Кагаров. О ритме русской прозаической речи. «Доклады АН СССР», 1928, № 3.

по мѣлѣ, рѣбѣ, пѣвѣ, дѣждѣ, мѣло, сѣмѣ, со тѣцѣннѣмѣ и т. д. Одна точка без оксии может стоять над некоторыми начальными гласными (ѡ, ѧ), заменяя в этом случае иссо: ѡто ѡбра. В этой рукописи точка никогда не употреблена над гласными, обозначающими напряженные (верхние и средневерхние) (ѣ, и, ѡ, у). Поэтому можно предполагать, что, как и камора в некоторых других рукописях (см. ниже), точка здесь обозначает не ударение, а качество гласного.

В русских памятниках именно точку, по-видимому, следует считать древнейшим знаком ударения. В новгородской минее 1095 г., в Синайском патерике XI в., в новгородском октоихе конца XII в. (ГПБ, Соф. 122) и в некоторых других памятниках XI—XII вв. именно точка справа над буквой указывает место словесного ударения. Впоследствии из-за своей графической невыразительности этот знак как знак ударения был оставлен и не вошел в активное употребление.

Знак оксии ' впервые отмечается в Чудовском новом завете 1355 г., встречается в некоторых рукописях XIV и XV вв., но не очень последовательно, только на ведущих словах словосочетания, а затем постепенно становится единственным знаком, обозначающим словесное ударение. Все, что выше сказано о хронологии и интенсивности в передаче русских акцентов, прежде всего относится именно к оксии.

В ранних рукописях русского происхождения даже на конечном слоге ударение может обозначаться не вариет ' , а оксией ' , ср., например, Пр. 1532 г. до концѧ 2, велмѣи ѡбрѧдовѧша 2, тѣи еси 2, въ сѧпсгѣи жемѣзны ѡб, также послѣдѣи же 399, мѣи же 268ѡб и т. д. Особенно обозначение ударения оксией на конечном слоге распространено в сочетаниях с клитиками, ср. в Тр. 1523 г. сѧхранѣи мѧ 365, ѡустѧ же нечестивыхѧ 33, похвалѧ же 44, в нѡ же 61, тѣи же 36, прешлѧ еси 211, родилѧ еси 163ѡб, ис тебѣ во 152ѡб; так же в псковском Служ. 1540 г., дмитровском Служ. 1554 г., Житии 1550 г., вологодской Пс. 1566 г., Житии 1587 г., пежемском Служ. 1603 г.

Наряду с таким употреблением оксии в тех же рукописях возможен (иногда и значительно чаще) знак вариет над конечным открытым слогом. В рукописях, которые так или иначе связаны с южнославянским влиянием или определенно являются южнославянскими, знак вариет обычно не употребляется. В качестве примера можно

указать на Книгу 1527 г.: всю землю 131об, ис тебе 110, тобо лобызания 128об, себѣ 129об, до конца 43об, (о) пѣвцѣ 135, по чистотѣ 27об, все правды 47об, по средѣ 58, въ малѣ 53об, колѣ твоѣ 1, кромѣ 133об, раба своего 72, въ мирѣ 112об, рога во 53, на водѣ 40, из роукы 37об и мн. др. Знак ` стоит здесь только после гласного в конце слова: добротой 140об, мою 1, своё 1об, тобою 2, сою 13об и т. д. Некоторые из подобных примеров указывают на то, что вария здесь не знак ударения, ср. еще вѣдсю 3, колюю 3об, колею моею 23об и под. Такое соотношение между ' и ` (последний знак стоит лишь над йотированным гласным в сочетаниях типа -оѣ, -иѣ, -ою, оа и т. д.) обнаруживается также в собственно русских рукописях, см. Служ. 1592 г. В Мин. 1475 г. вария ` встречается только над йотированной гласной в начале слога: поѣщихъ, любомудриа, въ юности, кызыкаѣщи, ткоѣ, достойно (то же в соловецком Треб. 1566 г.). Следовательно, вария здесь — особый знак для выражения придыхания в тех рукописях, которые не отражают конечного ударения и потому не используют варию в значении знака ударения.

В Тр. 1533 г. при отсутствии собственно ударения очень часто встречается знак оксии над «дифтонгами» ѣ, ю, ѡ (столь же последовательно и кендема над ѧ), тогда как над буквами гласных а, о, е, и, Ѹ никаких знаков нет. В Мин. 1534 г. аналогичное расхождение между ѣ, ѧ, ѣ и ю, ѧ, ѡу, ѡи (но всегда без знака е, о, Ѹ). Эта рукопись также, собственно говоря, не является акцентованной, т. е. никак не передает русского ударения. Обе рукописи важны в том отношении, что указывают на необходимость комплексного изучения слога, маркированного надстрочным знаком — независимо от функции этого знака. Ср. еще псковское Ев. 1532 г., где вария вообще ни в какой функции не употребляется, а оксия указывает на ударение сербского типа.

Для дальнейших рассуждений важно также, что в рукописях с последовательным написанием оксии как единственного знака ударения и с отсутствием варию часто употребляется знак каморы ^ (см. ниже), а фонетически сами ударения — это оттянутые на слог назад ударения сербского типа. Другими словами, необычная для русской орфографической традиции передача уда-

рения единственным знаком ' , как правило, сочетается с фонетическим отражением южнославянского ударения.

Вария. Знак вари́и ` первоначально не отличался в своем употреблении от оксии. Он употребляется уже в Чуд. 1355 г. (но очень редко, в основном на первых листах рукописи), причем не обязательно над конечным гласным, но, как правило, над кратким: ср. жѣрткѧ 23а, ѡ лихѡю 14а. Также в виде исключения вари́я в срединном слоге встречается в Леств. 1418 (ка́ко же оумѣръ 108 — оумѣръ ѡ 108), но уже в начале XV в. появляются собственно русские памятники с частым употреблением знака ` в середине слова. Любопытна географическая приуроченность всех таких рукописей — Леств. 1419 г.: ко́на и кзѡдника, покѡитѧ, оученикѧ, лѣтнѡго, на ко́ли, прикѡните, оуна́ла, смѣрѣниа, конѣца, оумилѣно, неки́ненѧ, смѣнитѣа, клонитѣа, скончатѣиса, оумолѣнѧ быкѧ и т. д.; Леств. 1421 г. (Коломна): кѡлѣа, пройдоу и др., главным образом над и, у, ѡ; Тр. 1589 г. (на Дорогомилове): мѡръ, гнѣкѡмѧ, стрѣлами, жѣнаѣскии, злѡхѧ, истѡчникѧ, кѣѣми, хотя изредка возможен и знак оксии (ср. еди́нѧ, смыслѣни, пи́ца и под.); Ев. 1556 г. (Смоленск): козвѣдиша, мнѡзи, дрѣдугѧ, ѡзкрѡвници, пгица, грѣди, к до́моу, кз до́мѧ; Пс. 1556 г. (Переяславль-Залесский): лѣкѧ, богѡтѧ, па́кѧ, сла́ву, конѣца, чѣрка, гнѣкѡмѧ, к мѡръ, по гнѣтѣ и т. д.; Пс. 1587 г. (писал чернец Евстафий в Кирилло-Белоз. монастыре): промолчиши, клоникѧ, жикѡши, полѡже, идѡша, заблѡхѧ, стѣди, оудикѡлѣа и т. д. В Сб. 1589 г. вари́я в такой функции употребляется очень непоследовательно, наряду с оксией: недѣгѡмѧ, ксе́йкѣа, тако́кѡмѧ, доиши, мате́жѣмѧ, теорѡи, конѣцѣхѧ, пу́стѡхѧ, о́кѣцѧ, подѧ нимѧ, но́щнѡхѧ и др., обычно в конечном закрытом слоге наряду с последовательным употреблением того же знака в конечном открытом слоге: естѣсткѡ, к кѣи, чредѣу, скѣщѣу, то́л, долги и т. д. Это обстоятельство графически выделяет Сб. 1589 г. из числа других рукописей с вари́ей не над конечным гласным открытого слога.

Здесь не учитываются те рукописи, в которых ` над срединным гласным при более обычной для этой позиции оксии встречается в единичных случаях, как, например, в вологодской Пс. 1566 г. (полѡжикѧ 93об, полѡжит 102,

полдожу 107, полджилаз ёси 266 — только в этом глагольном корне, ср. также полджилаз ёси 45, 51об, положи ёси 51об), в Треф. 1597 г., написанном в Кирилло-Белозерском монастыре, (обращаете 495, откждоу 339), в Пр. 1597 г., написанном шилиангским попом Козьмою, (хоташе 123об, ксакыа 112, кзкочикши 84об, стааше 86об), в холмогорской Пс. 1623 г. (избркз 13, речёши 29, спитз 40об, разумѣти 85об, гордына 86, к поуєтѣни 111, мѣтѣми 147об). Все эти памятники с непоследовательным, «остаточным» отражением когда-то существенной особенности являются северными. По-видимому, только на севере вариа́ на срединном слоге с XVII в. и сохранялась как реликт более ранней орфографической традиции, никогда не проявляясь последовательно.

Несколько позже появляются рукописи с последовательным позиционным разграничением знаков ударения: ' над начальным неприкрытым гласным, ' над срединным и конечным закрытым гласным, ` над конечным открытым гласным. Такая система отражена в следующих рукописях: Круг 1536 г., Четья 1538 г., Треб. 1570 г., Пр. 1597 г., Служ. 1631 г., Сб. 1636 г., Сб. 1645 г., Мин. 1645 г., Златоуст 1649 г., Служ. 1658 г., Ев. 1678 г., Ап. 1693 г., Син. 1696 г., Книга 1697 г., Слово 1698 г.

Долгая. Знак вари́и в некоторых рукописях последовательно заменяется знаком долгой, т. е. почти горизонтально лежащей, иногда очень длинной чертой типа — . Долгая в функции вари́и отмечена в следующих памятниках: Ев. 1534 г., Мин. 1544 г., Пс. 1587 г., Грек. 1587 г., Сб. 1598 г., Пс. 1599 г., Мин. 1609 г., Тр. 1611 г., Тр. 1619 г., Авва 1619 г., Ев. 1625 г., Сб. 1629 г., Сб. 1659 г. Очень редко долгая над конечной гласной буквой (особенно йотированной) стоит в Ап. 1545 г., в котором ударение над конечным гласным обычно обозначается знаком каморы. Связь в употреблении каморы и долгой над конечным гласным обнаруживается и в Ев. 1548 г. Сопоставление примеров типа $\text{вѣ} \text{—} \text{вѣ}$, $\text{зѣлѣ} \text{—} \text{зѣлѣ}$ указывает на функциональное равенство этих знаков, тогда как написания типа слѣкѣ , слѣкѣу , сице , кѣдѣу , кѣрѣ , книгѣ и под. подтверждают, что в Ев. 1548 г. только оксия передает место словесного ударения. В Панд. 1570 г., в Пс. 1623 г. вари́а и долгая явно различаются по своей функции: вари́а обозначает место ударения

утрачивается раньше всего. Знак варии здесь — это как бы намеренная и определенная ориентация на знак, который никакого значения, кроме указания места словесного ударения, не имеет. Это самая первая попытка создать собственно русскую систему акцентных знаков. Естественно распространение такой системы именно в южнорусской зоне, где уже к началу XV в. всякие интонационно-количественные различия были утрачены.

Из представленного материала ясно, что в первой половине XVI в. происходит интенсивное заимствование просодических знаков и выработка правил их использования. На русской почве это наиболее интересный период для изучения языковых и орфографических контактов между восточными и южными славянами, и соответствующие русские памятники дают для этого важный и значительный материал. Большинство акцентовок, представленных такими русскими рукописями, не являются ни южнославянскими, ни русскими — это как бы орфографические гиперизмы на почве столкновения южнославянских и русских акцентовок. Необходимо строгое и очень тонкое исследование таких акцентовок в общем русле развития как южнославянского, так и русского ударения.

В этот период, таким образом, только рукописи с последовательным употреблением варии в качестве единственной силы отражают безусловно русское ударение; рукописи с единственным знаком оксии не передают русского ударения.

С конца 30-х годов XVI в. устанавливается свойственное русским памятникам различие оксии на неконечном и варии на конечном (открытом) слоге. Только рукописи с таким позиционным разграничением знаков ударения с этого времени отражают собственно русское ударение. Такое чисто внешнее свойство источника является гарантией, что рукопись и отраженная в ней система ударения — русские. При этом безразлично, собственно вария или же долгая стоит над конечным открытым слогом. С середины XVI в. долгая на месте варии в таком значении становится обычным признаком некоторых орфографических школ; особенно этот знак любили в скриптории Кирилло-Белозерского монастыря. Только в некоторых рукописях, написанных на Севере, даже и в XVII в. долгая не всегда обозначает ударе-

ние, также и в тех источниках, которые варию, казалось бы, полностью заменили на долгую. Одновременно в таких рукописях распространены двойные знаки ударения: употребление наряду с долгой над конечным открытым слогом (иногда этимологически ударным) и обычного знака ударения, выраженного оксией, над предыдущим слогом (иногда этимологически безударным)⁸. Такие примеры дают только рукописи, написанные на Севере, и притом лишь с рубежа XVI—XVII в., ср. Пр. 1597 г. (шилянгский поп Козьма), Служ. 1603 г. (Пежма), Ав. 1619 г. (Кожеезеро), Пс. 1623 г. (Холмогоры), Златоуст 1649 г. (Чаронда). То же касается и недатированных рукописей XVII в. Двойные знаки ударения описанного типа — чисто внешнее указание на то, что долгая в таких рукописях (ее не следует смешивать с варией, которая там также употребляется наряду с долгой) не указывает на место ударения, а отражает характерное для северных говоров «протяжение конечного слога в слове»⁹ — долготу, которая иногда воспринимается как дополнительное ударение.

Поскольку функциональное значение знаков количества («времен») является темой другой статьи, двойные ударения во всех подробностях здесь не рассматриваются.

Проведенный анализ употребления знаков ударения по своим результатам совпадает со статистическими данными таблицы 1: собственно русские акцентовки появляются со второй половины XVI в., и только в XVII в. они становятся единственно возможной нормой. Функциональный анализ знаков только уточняет хронологические границы в развитии отдельных просодических знаков, отмечая их территориальное варьирование и возможную связь с другими просодическими характеристиками слога.

⁸ Этимологически ударными или безударными они называются потому, что в описываемый период такие рукописи совмещением знаков ' и ` передают место ударения и позиционную долготу, а не «двойное ударение», см. В. В. Колесов. Двойное ударение в средневековых русских памятниках. Юбилейная научно-методическая конференция северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1969, стр. 49.

⁹ См. А. М. Селещев. Диалектологический очерк Сибири. Избранные труды. М., 1968, стр. 372.

Камора. Знак каморы $\hat{\ } \sim$ в русских рукописях всегда выступал в качестве просодического, т. е. относился к слогу в целом. В памятниках XI—XII вв. он стоял над слогом, в составе которого находился палатальный (затем и палатализованный) согласный: $\widehat{\text{конт}}\grave{\text{а}}$, $\widehat{\text{конт}}\grave{\text{ю}}$, $\widehat{\text{кз}}\grave{\text{н}}\text{ѣмоу}$, $\widehat{\text{ман}}\grave{\text{ю}}$ и т. д. По-видимому, Лествица XII в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 198) — одна из самых поздних рукописей, где камора в данной функции употреблена очень часто (хотя и наряду с йотацией следующего за мягким согласным гласного: $\widehat{\text{о}}\widehat{\text{н}}\text{ѣма}$, но также и $\widehat{\text{о}}\widehat{\text{н}}\text{ѣма}$). С конца XIII в. и (в некоторых орфографических школах) до самого XVI в. знак каморы стоит над слогом, в составе которого имеется сонорный, ср. Лествицу 1360-х гг. (ГБЛ, собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, № 463), где $\widehat{\text{с}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{с}}\widehat{\text{т}}\widehat{\text{а}}\widehat{\text{к}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{я}}\widehat{\text{е}}\widehat{\text{т}}\widehat{\text{с}}\widehat{\text{я}}$ 174, $\widehat{\text{к}}\widehat{\text{ѣ}}\widehat{\text{ц}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{и}}$ 202 и т. д. Хотя эта рукопись и переписана с сербского оригинала, вряд ли камора в данной функции своим появлением обязана этому оригиналу. В белорусских памятниках до XVI в. камора употребляется над словами типа $\widehat{\text{к}}\widehat{\text{ѣ}}\widehat{\text{ц}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{и}}$, $\widehat{\text{в}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{ш}}\widehat{\text{ѣ}}$, $\widehat{\text{д}}\widehat{\text{ѣ}}\widehat{\text{в}}\widehat{\text{о}}$; $\widehat{\text{л}}\widehat{\text{к}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{ц}}\widehat{\text{а}}$, $\widehat{\text{т}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{а}}$, $\widehat{\text{м}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{ѣ}}$ и под., почему и возникло мнение об обозначении знаком $\hat{\ } \sim$ мягкости согласного. В последних работах, посвященных этому вопросу, верно говорится, что камора в подобных написаниях заменяет паерок на месте утраченных редуцированных¹⁰. Однако важно, что при отсутствии сонорного камора в этой функции не употребляется. В территориально близких белорусским псковских и тверских рукописях (и также только до XVI в.) камора употребляется лишь над слогом, в составе которого находится сонорный. В качестве примера можно указать любую рукопись Псковского областного древлехранилища, а также тверскую Кормч. 1517 г. (здесь $\widehat{\text{т}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{а}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{и}}$, $\widehat{\text{м}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{а}}\widehat{\text{т}}\widehat{\text{с}}\widehat{\text{я}}$, $\widehat{\text{к}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{ѣ}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{а}}$, $\widehat{\text{н}}\widehat{\text{о}}$, $\widehat{\text{д}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{ѣ}}\widehat{\text{к}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{у}}\widehat{\text{ю}}$, $\widehat{\text{м}}\widehat{\text{ы}}$, $\widehat{\text{к}}\widehat{\text{ѣ}}\widehat{\text{г}}\widehat{\text{о}}$, $\widehat{\text{т}}\widehat{\text{к}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{р}}\widehat{\text{а}}\widehat{\text{ц}}\widehat{\text{и}}\widehat{\text{м}}$ и т. д.).

В некоторых рукописях функцию каморы определить вообще затруднительно из-за редкости ее употребления. Например, в вологодской Пс. 1566 г. находим только (не считая $\hat{\ } \sim$ над клитиками, о чем ниже) от $\widehat{\text{г}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{р}}\widehat{\text{ы}}$ 83, 122об, $\widehat{\text{г}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{р}}\widehat{\text{а}}$ 86, $\widehat{\text{п}}\widehat{\text{р}}\widehat{\text{и}}\widehat{\text{к}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{ѣ}}\widehat{\text{т}}\widehat{\text{с}}\widehat{\text{я}}$ 90об, $\widehat{\text{п}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{к}}\widehat{\text{р}}\widehat{\text{ы}}$ $\widehat{\text{г}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{р}}\widehat{\text{ы}}$ 97. По существу,

¹⁰ См. А. М. Булыка. Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы. Мінск, 1970, стар. 165.

функция каморы здесь совпадает с ее значением в псковских и тверских памятниках, потому что собственно акцентологическое значение этого знака в половине примеров сомнительно.

Камора после сонорных встречается также в Панд. 1570 г. (кромѣ 15об, кротости 18об, покрывало 20об, 21, къ скрощенѣ срѣцѣ 22 и т. д.), в Минее 1609 г. (мрачнымъ 81, мрака 81, къ мрацѣ 84об, мрачна 93, о покровѣ 124, скрочица 123об, скрочице 193об, 123об, в мракъ 126, омрачшееса 131, мракъ 198, 213, покровоу 167, покровъ 232об). Любопытно, что во всех случаях камора употреблена здесь только над *p*, следовательно, может отражать какую-то особенность фонемы /*p*/.

Собственно акцентологическим знаком камора выступает уже в Чуд. 1355 г. и затем прослеживается во многих русских рукописях вплоть до конца XVI в. Поскольку употребление $\overset{\sim}$ как знака ударения в этих источниках имеет некоторые различия, следует рассмотреть несколько групп рукописей, использующих камору.

В Чуд. 1355 г. камора может стоять над любым гласным и в любой позиции, полностью заменяя более характерный для этого источника знак оксии. Однако только в самом начале рукописи камора как бы конкурирует с оксией, затем она почти полностью вытесняется оксией. По-видимому, писец искал наиболее подходящее средство выражения словесного ударения, выбирая его из наличных графических средств. Ср. в этой рукописи: мѹчица 15б, сонмицих 16в, книжници 12г, мѣмѹце 13г, можеѣ 21г, старци 22в, ноги 26в, десноую 15а, кѣдѣи 22г, кселѣныи 27г, косноутих 29б, кзрѣкши 39г, влѣсти 16б, ѹсмѣ 17г, на торгоу 11б, припадѣ 18г, к томоу 19г, иди 20в, единѣ 21б, махкѣ 23в, дрекекѣ 24б, крачѹ 28а и мн. др.

В таких же условиях и столь же непоследовательно, наряду с оксией, камора отражается в Леств. 1419 г., а в виде орфографических остатков сохраняется еще в Пс. 1587 г. (рукопись с последовательной передачей словесного ударения знаком вариин), главным образом в корнях крыги, кланати и в некоторых других, также в Мин. 1645 г. (главным образом над *й* и *ѧ* в середине слова) и т. д.

Только над конечным открытым слогом, но над любым гласным в этой позиции камора употреблена в Леств. 1421 г. (Коломна), в Тр. 1523 г. (Ростов), а затем в некоторых северных рукописях, искусственно сохраняющих особенности архаического письма (ср. Ав. 1619 г.). Во всех таких источниках камора передает словесное ударение, выступая в качестве факультативного варианта вари́и (но не вари́и и оксии, как в Чуд.) или попросту заменяя вари́ю.

Промежуточное между этими двумя типами рукописей положение занимает новгородский Ап. 1545 г., в котором также нет знаков вари́и или долгой в значении акцента над конечным гласным, в любом случае их заменяет камора: к до́мбѹ 135, ѳома̃ 22, низѹ 24об, лоуна̃ 25, чѣд̃ 31об, оушесѣ̃ 40об, не скрзѣнѣ̃ 52 об, женѣ̃ 72об, стѣра̃нѹ 2, зѣлѹ̃ 11, глакѣ̃ 3об, женѣ̃ 238, женѣ̃ 238, винѣ̃ 101об, кромѣ̃ 275об и мн. др. Однако, как и в памятниках первой группы (Чуд. и др.), камора обозначает место ударения над любым гласным и в середине слова, ср. рѣчѣ̃къ 74, дѣ̃рѣи 68об, вѣ̃зи мнѹ̃зи 239, цѣлѹ̃ѣ̃гѣ 219, гра̃дѣ̃къ 95, чѣ̃дѣ 145об, ловѣ̃тъж 92 и под. Особенность этой рукописи, переписанной с южнославянского оригинала, заключается в том, что в ней интересно пересекаются по крайней мере две орфографические традиции: русская с обозначением срединного /ѣ/ и любого конечного гласного в окситонированных словах (см. сказанное ниже относительно Ев. 1542 г.) и южнославянская с обозначением любого гласного знаком $\hat{\text{~}}$ наряду со знаками ' и '' (но не ''), ср. постоянное здесь ударение женѣ̃, женѣ̃, женѣ̃ и т. д. при возможном жѣ̃ны и жѣ̃ны и совмещением акцентовок в звательной форме типа жѣ̃нѣ̃ 444. Таким образом, $\hat{\text{~}}$ здесь не во всех случаях указывает на ударение русского типа, а в некоторых позициях, очевидно, вовсе не обозначает ударения (в соответствии с планом статьи все другие функции каморы здесь не рассматриваются). Аналогично этому, в Ев. 1548 г. камора над конечным гласным не является знаком ударения, а заменяет долгую, ср. глѣ̃кѣ̃д, рѣ̃зѣ̃, ко̃дѹ̃, до̃мѣ̃, мѣ̃жѣ̃, глѣ̃цѣ̃, кѣ̃рѣ̃, изѣ̃дѣ̃ и др., но и женѣ̃, сѣ̃стѣ̃рѣ̃, тѣ̃корѣ̃цѹ̃, ко̃дѣ̃.

На любом слого слове, но только над /ѣ/, камора

стоит в следующих датированных рукописях: в новгородском Пр. 1532 г., в вологодском Ев. 1534 г., в Круге 1536 г., в Четье 1538 г., в псковском Служ. 1540 г., в дмитровском Служ. 1554 г. Этим перечнем, а также некоторыми другими русскими рукописями, уже упомянутыми в этой статье, увеличивается список источников, отражающих противопоставление фонем /δ/ — /o/.¹¹ Ср. в Пр. 1532 г.: кз собѣръз 1, мнѣго 1об, равѣтъакз 1об, обрѣтъша 1об, жикѣтъз б, гирѣты 9об, закѣнз 13, пѣдѣ 13, кодонѣз 101об, зѣбѣы 44, скобѣдѣ 114, дѣрѣзѣз 388об, кѣлмѣжа 192, погла пѣна 181, кыѣкѣз 232об, огорѣдникомз 325, вѣсѣдѣ 281, мѣгѣт 255об, принѣдѣтъз 272 и мн. др.; также хѣтѣрѣ 15, сѣлѣ 167 и др. с возможными отклонениями для /o/ из /ъ/ в новозакрытом слоге (лѣбѣкѣ 6об, 34, пѣдѣтъ 346об, сѣвѣкѣма 120, кнѣдѣ кѣнѣ 60об, 85, 142, исхѣдити кѣнѣз 142, 242об)¹². Это самая ранняя из известных и притом датированная русская рукопись, которая отражает севернорусское различие /δ/ — /o/.

Близко к ней по времени стоит написанное в одном из вологодских монастырей Ев. 1534 г. Ср. в этой рукописи: сѣгѣ 29об, отрѣча сѣ 73, жикѣтъз 83, кзпрѣдѣнѣз 137, Со-лѣмона 54об, догѣбинѣз 62об, Петѣрѣки 64, доѣрѣб 65об, хѣрѣми и сѣлѣпи 63, нѣкѣи 73, пѣдѣзѣз 33об, радѣдѣтъз 35, прѣдѣиши 20об, оумѣдѣю 31об, кѣдѣ 13об, кѣдѣю 9об, хѣрѣмѣх 15 об и мн. др. при странных написаниях: при мѣрѣи 85об, к мѣрѣи 89 (но мѣрѣе 11, мѣрѣа 11, также и другие падежные формы с правильным отражением /o/) и оу гѣрѣба 31, кз гѣрѣвѣу 3 (если последнее слово не входило в исконный окситонированный тип). Как и в предыдущей рукописи, камора стоит не строго над гласным, а собственно между ним и предыдущим согласным, т. е. как бы продолжает старую традицию употребления $\bar{\text{~}}$ как знака просодического, который относится к слогу в целом.

Из других отклонений от закономерного употребления δ в перечисленных рукописях следует указать следующие:

¹¹ См. В. В. Колесов. Неопубликованная работа А. А. Шахматова по русской исторической фонетике и акцентологии. — «ВЯ», 1964, 5, 108.

¹² См. В. В. Колесов. Эволюция фонемы /δ/ в русских северо-западных говорах. — «ФН», 1962, 3, 97.

в Четье 1538 г. кѣнмута 19об, на гѣроу 7 (но рядом: гѣроу 7); в Служ. 1540 г. кѣрѣи 93 (как роукѣи 97), ср. еще сѣлѣи 33, 71об, постоянно крѣвѣа 96, 137об и др. (но в открытом слоге крѣки 99 и под.), от грѣва 32об, нѣзѣ мои 68; в Служ. 1554 г. слѣко 1об, 64, в мѣри 73, в нѣци 86, виш. дв. нѣзи 90об — все в положении после сонорного. Вообще в Служ. 1554 г. и на месте исконного /ѡ/ буквы ѡ, ѡ̄ пишутся довольно редко, так что здесь можно видеть смешение открытого /о/ и закрытого /ѡ/, вызванное влиянием оригинала. Добавим, что это — единственная несевернорусская рукопись, так или иначе отражающая различие /о/ — /ѡ/.

В остальных рукописях данного списка каких-либо отклонений от ожидаемого употребления ѡ (в отличие от о) не обнаружено. Писцы этих рукописей, кроме того, могут употреблять камору над конечным о в форме родит. падежа ед. числа полных прилагательных и местоимений мужского и среднего рода (вошѡгѡд, тогѡ).

Особый интерес представляют рукописи, в которых совмещены различные функции каморы. В Ев. 1542 г. довольно последовательно и верно передаются различия между ѡ и о, ср. тѣби 123об, гѣтѣвѣа 126, дѣбѣи 13об, зѣлѣ 113, зѣлѣ 90об, мѣжете 90об, докѣлѣ 102, прѣрѣвѣа 99об, хѣщѣши 145, добрѣвѣ крѣци пѣдѣмѣа 145, мѣгута 151, жикѣтѣа 2, вѣла 12, вѣмѣ 18 и мн. др. наряду со слѣко 19об, дѣмѣа 18об, гѣлоуѣа 146, мѣре 14, нѣзѣ 3, вѣдѣи многѣ 8об и т. д. (исключения: кѣна 7об, 10, 134об, кѣнѣа 80об, 141 и постоянно гѣре вѣм, ср. 103, 104, 156об, 157, 170об, 180 и др.). Вместе с тем на конечном открытом слоге независимо от качества гласного ударение также может передаваться каморой, хотя и очень редко: женѣа 209об, 144об, 162, 79, 182об, 27, 28, женѣу 108об, 110об, 190об, 193об, от женѣа 163, к женѣа 163, 217об, им. мн. женѣа 27 (ср. женѣа 10об, 101 и некоторые другие), о лоуѣнѣа 246, (а) жнѣу 139, от Лоуѣа 188об, ѡмѣа 3об.

Судя по лексемам, которые свое окончательное ударение передают знаком каморы, речь идет о сохранении более древнего употребления этого знака над словами с постоянным окончательным ударением (окситонеза) и, следовательно, о реальном значении этого

знака в тексте. Не содержится ли в этом факте информации о том, что знак $\overset{\sim}$ переходил на *o* и в конце концов сохранился только на /*ô*/ именно благодаря с в я з а н н о с т и ударения с новоакутковым слогом, давшим в конечном счете /*ô*/ ? Ср. еще Ев. 1575 г., в котором находим редкие примеры написания типа женâ 205об, женбу 420 и под., а также Треб. 1566 г., в котором такое же, как и в Ев. 1542 г., положение, но много исключений во всех типах. Например, здесь δ может обозначать не только /*ô*/, но /*o*/ (вин. мн. кбды 10, кбды 111об, нбца 4об, род. ед. нбгы 137, на нбгы 174, кбдоу 111, кбдоу 103об, пбмоца 56об) и, вместе с тем, камора может стоять не только над конечным, но и над срединным ударным гласным любого качества (прекланада 58, помани 58об, к нѣдрахъ 181об, творима 181). Это все очень редкие примеры, но они имеются и указывают на некоторое смещение языковой перспективы в орфографических навыках писца.

Камора как знак ударения, употребляемая только над заимствованными из других языков словами, обычна в рукописях, написанных известным писателем Кирилло-Белозерского монастыря Гурием Тушиным, ср. в Ев. 1511 г. о класѣ фариѣистѣ 2 об, иудѣистѣи 14 об, Іѡна 46 об, Солмона 47 и т. д. (также над клитиками). Камора в функции придыхания (ѣго, имѣти, мой) отмечена в Пс. 1507 г., в смоленском Ев. 1556 г., изредка в Тр. 1589 г., в рукописях, списанных Азацким (Кормч. 1590 г., Пс. 1599 г. и др.), и в некоторых других рукописях. Все эти функции каморы нас здесь не интересуют. Важно только отметить, что, как и все знаки ударения, камора сначала имела несколько функциональных значений; изменение заключалось в разрушении ее функционального синкретизма.

Каморы как самостоятельного надстрочного знака нет в следующих акцентованных русских рукописях XV—XVI вв.: Четья 1490 г., вологодская Мин. 1494 г. (исключение: прихѡдаще 131об), Жития 1550 г., Треб. 1570 г., Житие 1587 г., Грек 1587 г., Сб. 1589 г., рукописи, написанные Азацким (Кормч. 1590 г., Сб. 1598 г., Пс. 1599 г.), Служ. 1592 г., Обих. 1594 г., Тр. 1596 г., Треф. 1597 г. (исключение: нокаго 339), Пр. 1597 г., Служ. 1598 г. Каморы также нет во всех датированных рукописях XVII в.

Для уяснения качества $\hat{}$ в связи с другими надстрочными знаками большое значение имеет Пс. 1556 г., написанная в районе Переяславля-Залесского¹³. Об этой рукописи уже шла речь, когда говорилось о знаке $\grave{}$ как единственном знаке ударения и о разнице в обозначении различных по качеству гласных. Теперь необходимо уточнить эту характеристику, потому что знак $\acute{}$, связанный здесь с обозначением закрытых гласных [ô] и [ê], дополнительно различает и две функции каморы: камора без оксии стоит, как правило, над /о/, а камора с оксией — над /ô/, ср. мнбзи, смбкки, дбьрмз, ркбша, мби, оуббгх, товбю, докблѣ, кбленю, роукбю, мбжете, к кбню, готбкз, изне-мбгоу и др., но патбкз, нбци, в пбхотбхз, гброу, скбро, рбкз, крбкз, нбкоу, гбры и т. д., но также пбккз, рбгъ, крбкз, нбца, кбскз в новозакрытом слоге. В зависимости от качества гласных все надстрочные знаки не в конечном слоге слова в этой рукописи распределяются следующим образом (таблица 3).

Итак, все знаки могли обозначать ударение, потому что по своему указанию на место словесного ударения все они находятся в дополнительном распределении. Однако каждый знак кроме того несет еще информацию о качестве подударного гласного, именно: $\grave{}$ обозначает только место ударения (также кендема над $\grave{\text{л}}$); $\acute{}$ обозначает не только место ударения, но и напряженность в образовании соответствующего подударного гласного (/и, у, ê, ô/); $\hat{}$ также обозначает не только место словесного ударения, но и какое-то качество подударного гласного, может быть, его дифтонгичность. Поэтому в обозначении /ô/ и использованы оба знака: дифтонгичности $\hat{}$ и напряженности $\acute{}$.

Ср. с этим данные новгородского Златоуста 1597 г., в котором $\hat{}$ стоит обычно только над /ô/ и /ê/ (буквы о и ѣ), очень редко (зарегистрировано всего шесть случаев)

¹³ Рукопись написал Иван Федоров сын повелением игумена Феодосия в Никитском монастыре, которых в то время было три: древнейший и самый известный в Переяславле-Залесском и два малоизвестных и незначительных в Тверской губ. (см. В. В. З в е р и н с к и й. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. III. СПб., 1897, стр. 97). Именно в 1556 г. здесь были открыты мощи Никиты мученика, в связи с чем состоялась поездка в монастырь Ивана Грозного, были сделаны большие вклады и заказано много новых книг.

Распределение надстрочных знаков над различными гласными
в Пс. 1556 г.

Буква	Знак				
	варя	оксия	камора	камора с оксией	кендема
и	+	+	—	—	—
ы	—	+	—	—	+
оу ѡ	+	+	—	—	—
ю	—	+	(+)	+	—
ѣ	(+)	+	(+)	—	—
ѓ	—	—	—	+	—
о	—	—	+	(+)	—
е	+	—	—	—	—
а ѡ	+	—	—	—	—

Примечание: в скобках указана возможность факультативного употребления знака над соответствующей буквой, ср. *лѣди* 37, *грѣхы* 61 об, также в конце слова на *водѣ* 30, в *животѣ* 22 об.

над буквами и, ѡ, у, но никогда над буквами, передающими /е о а/. В этой рукописи, следовательно, обе средне-верхние фонемы /ѓ/ и /ѣ/ передаются буквами в сопровождении знака каморы. Писец указывает на их отличие и от верхних /и ы у/, и от средне-нижних /о е а/, которые не являлись дифтонгами.

В обследованных южнославянских рукописях и в рукописях, с них переписанных, знак каморы отмечен в следующих значениях.

В Леств. 1418 г. со следами болгарского влияния \sim обозначает ударение на любом слоге слова, ср. *грѣхѡвѣ* 14, *кѣнѣцѣ* 22, *хѡудѡсти* 23, *не кесѣ бо* 23 об, *кинѣ* 23, *глоубинѣ* 23, *на кѣю* 29 об, *мнѡжицѣю* 38, *по всѣ дни* 39, *тоѣ радѣ* 73 и т. д. То же в Ев. 1522 г.: *мзѣдѣ* 18, *скрѣвицѣ* 19, *крдѡутѣ* 19 об, *темнѡ* 19 об, *им. мн. нарѡдѣ* 25 об, *безакѡние* 22, *идѣ* 23, *подкѡнѣти* 24, *кѣ крѡвѣхѣ* 30, *клѡнѣше сѣ* 26 об, *скѣкрѡвѣ* 30 об, *сѣго радѣ* 38, *женѣ* 40, *с клѡткѡю* 42 об, *к живѡтѣ* 52, *сестрѣ* 57 и т. д. В других рукописях такого рода находятся только случайные примеры, веро-

ятно, вынесенные из оригиналов, хотя и в таких случаях камора употребляется независимо от места ударения в слове и от характера гласного, ср. в Мин. 1475 г. чашоу 84, нѣинѣ 91, чѣдо 134 и т. д.; в Мин. 1544 г. покрѣи 45 об, 59, ондога ради 135, вгондица 15 об, мѣре 29, вин. мн. гѣрѣи 100, нѣко 101 об и некоторые другие примеры.

В Книге 1527 г. преобладает употребление каморы над /ѣ/. Число примеров очень значительно, а исключения редки, см. только кѣдоу 104 об, 105, также гѣра 37 при верном гѣрѣи 37 и очень характерном гѣра 38. Однако в этой рукописи камора встречается и над другими гласными, ср. вин. мн. стопаи 39, 50, лоуна 51, лоуноу 49 об, на глакѣу 49, от глакѣи 50, вин. мн. глакѣи 45 об, жена 248, женѣу 322, вин. мн. крагѣи 49, покрѣи 37, емѣу 28, зѣлѣ 33 об, ѣз моужѣи 29 об, ширѣгоу 27 об и мн. др., а в середине слова только несколько раз, ср. рѣукѣ 49 об, вин. дв. рѣуцѣ, поклонѣицаѣ 33, премѣудра 35 об, изѣди 31 об, иѣу-дѣомѣ 244. По-видимому, написания типа нѣшегѣ 28 об указывают на какое-то дополнительное значение каморы в конечном слоге слова, а преимущественное использование знака ^ для обозначения /ѣ/ является уже собственно русской особенностью. Тем самым Книга 1527 г., несмотря на ее зависимость от южнославянского оригинала, становится самым древним памятником, отразившим противопоставление /ѣ/ — /о/.

Относительно употребления каморы в южнославянских источниках известно немного. В сербских рукописях, написанных на Афоне, с середины XIV в. отражается употребление каморы, но очень несистематически, без определенной функции. «В текстах, где ее встречаем, она обычно стоит над долгой гласной, особенно над омегой, дублируя гравис и кендему»¹⁴. По этой причине камора имела несколько значений — передавала место словесного ударения, а в некоторых случаях служила знаком придыхания или обозначала долготу слога¹⁵.

Такая неопределенность функций каморы в сербских

¹⁴ О. Неделъкович. Знаки ударений в средневековых сербских рукописях (XII—XIV вв.). «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 133.

¹⁵ См. там же, стр. 118.

памятниках и известная связь этого знака с обозначением словесного ударения в памятниках болгарского происхождения должны были привести к некоторой неустойчивости, неравномерности и неопределенности употребления этого знака в ранних русских текстах. Все такие тексты сгруппированы по типу употребления каморы:

- 1) независимо от позиции в слове и характера гласного (1355 г.);
- 2) над любым конечным гласным (1421 г., 1523 г.);
- 3) над любым /ѡ/, но только над ним (рукописи 1527—1556 гг.).

Такова внутренняя логика в выработке собственно русской функции каморы. Именно ко второй четверти XVI в. эта функция уже окончательно выработалась, хотя до середины XVI в. еще отражаются некоторые промежуточные типы, быть может, представляющие собою смешение говора писца и влияния оригинала, именно:

сочетание групп 2)+3) дают тип рукописей (1542 г., 1566 г., 1573 г.), в которых камора стоит над любым конечным гласным под ударением и вместе с тем над /ѡ/ независимо от позиции в слове;

сочетание групп 1)+2)+3) дает новгородская рукопись 1545 г., в которой отражается смещенное употребление каморы всех трех основных типов и обнаруживается некоторое число исключений.

В самом конце XV в. (Четья 1490 г.) появляются источники, вовсе не употребляющие этого знака. Впоследствии число их увеличивается, определяясь тем, что камора получила свое единственное и вполне определенное значение, не приемлемое для рукописей южнорусского происхождения.

Кендема. В отличие от сербских рукописей, в которых кендема (двойная вария ") с самого начала стала важным просодическим знаком (обозначала долгий слог, главным образом, в случаях стяжения¹⁶), в русской орфографической традиции этот знак по своему употреблению остался периферийным.

В Чуд. 1355 г. он иногда употребляется над *i*, но это не выходит за пределы более ранних орфографических традиций и не имеет значения в просодическом отношении. Столь же маловажны продержавшиеся вплоть до XVII в.

¹⁶ См. О. Неделькович. Указ. соч., стр. 107.

обозначения *л* как *л̄* (в том числе и в значении *лн*), ср. Ев. 1511 г. и другие рукописи, написанные Гурием Тупиным, также Тр. 1523 г., Служ. 1540 г., Пр. 1581 г. и т. д. В некоторых рукописях, написанных Тихонцем Федоровым сыном Азацким в Кирилло-Белозерском монастыре, кендема заменяет 'и краткое', т. е. отражает результат стяжения, ср. Сб. 1598 г.: *чкѡ* 2 об, *лм̄л̄* 3 об, *Мих̄алоу* 29 об (рядом: *Мих̄анле* 30 об), *лм̄д̄и* 36 об, *ст̄тн* Трѡцы 256 об, *п̄р̄ложитеса* 137 об и др.

Гораздо существеннее употребление кендемы над односложными словами и клитиками, которые условно можно выделить в группы:

- 1) новоодносложные слова с утраченным редуцированным: *гдѣ*, *здѣ*, *дѣа*, *мнѣ*, *кто*, *что*, *зао*, *сто* и т. д.;
- 2) союз *но* и указательные местоимения *та*, *тѣ*, *тѣ*, *се*, *то* и др.;
- 3) глагольная форма *бѣ* и частица *во*;
- 4) личные местоимения *мы*, *вы*, *ты*, *тя* и т. д.;
- 5) частицы *ли*, *бы*, *же* и некоторые другие.

Над первыми четырьмя группами слов исключительно " стоит в ранних рукописях (Леств. 1419 г., Леств. 1421 г., Сл. 1475 г., Четья 1490 г., Тр. 1523 г.), а из более поздних последовательно лишь в новгородском Златоусте 1597 г. Столь же последовательно над *ли*, *бы*, *же* в этих источниках стоит *вария* ` . В такой дифференциации знаков можно видеть сохранение старого различия между разными (в акцентологическом отношении) типами клитик.

На самом рубеже XVI и XVII вв. исчезают рукописи, в которых кендема употребляется в одном из указанных значений. Этот знак утрачен окончательно и бесповоротно, заменившись либо знаком *каморы*, либо знаком *вари*. Только одна *камора* во всех пяти группах односложных отмечена в рукописях: Пс. 1587 г., Служ. 1631 г., все рукописи, написанные в Кирилло-Белозерском монастыре Азацким и Исайей Вогнемским (Сб. 1598 г., Пс. 1599 г., Тр. 1611 г., Тр. 1619 г. и т. д.). Наоборот, одна только *вария* ` во всех пяти группах односложных использована в рукописях: Служ. 1603 г., Сб. 1629 г., Златоуст 1649 г., Сб. 1659 г., Ев. 1678 г., Ап. 1693 г. и т. д. Это последнее написание и устанавливается в качестве канонического, переходя в старопечатные издания. Связано это, видимо, с общим упрощением графических знаков

и с их унификацией, с приведением в соответствие с русским произношением.

Таким образом, весь XVI в. — это время постепенного устранения кендемы. Процесс устранения этого знака проходил несколько этапов, что по-разному отразилось в русских источниках.

В первой трети XVI в. началось довольно беспорядочное смещение всех трех знаков, возможных на односложных словах, т. е. кендемы, вари и каморы. В Ев. 1511 г., Пр. 1532 г. и Ев. 1534 г. слова первой группы пишутся со всеми тремя знаками, слова второй группы смешивают кендему и камору, слова третьей группы — кендему и варию, а слова четвертой и пятой групп никак не реагируют на начавшееся смещение знаков, по-прежнему обозначаясь кендемой (м̃л̃, т̃г̃л̃) и варией (л̃и, ж̃е). Несколько позже (Ап. 1545 г., Жития 1550 г.) камора окончательно вытесняет кендему в первых двух группах, но три последние группы односложных слов все еще сохраняют только что описанное различие.

Таким образом, исходной точкой изменения являлась все-таки кендема, потому что именно она, не имея своей собственной функции, вступала в чередование со всеми другими, новыми для русских рукописей графическими вариантами. Кроме того, замена кендемы новым универсальным для конечной позиции знаком происходила постепенно, с учетом грамматической важности различий, отраженных в надстрочных знаках.

Наименее важным акцентологически был первый ряд слов, наиболее важным — последний, выступавший в качестве энклитики вплоть до XVII в. (наиболее четко указанные свойства ж̃е, л̃и и других клитик этого ряда отражены в Чуд. 1355 г.). Личные местоимения были важнее указательных (которые в средневековых рукописях довольно часто сохраняют архаический вид типа с̃л̃, с̃л̃, т̃л̃) и безударных энклитических форм. Слова но, бо, бѣ во всех преобразованиях, связанных с заменой надстрочных знаков, занимали промежуточное положение.

Основные направления унификации на протяжении XVI в. кратко можно описать следующим образом.

Столкновение кендемы ˘ и каморы ˘ в первых четырех группах слов (из названных выше пяти) отражено в следующих типах рукописей: а) Круг 1536 г., Ев. 1542 г.; б) Тр. 1566 г.; в) Пс. 1566 г., Ев. 1573 г., Тр. 1588 г.,

Кормч. 1590 г. При этом в типе а) смешением $\grave{\text{а}}$ и $\hat{\text{а}}$ охвачены только слова первой и третьей групп, в типе б) — слова первой, второй и третьей групп, в типе в) — слова всех четырех групп. У слов пятой группы вариация сохраняется.

Столкновение кендемы и вариации отражено в дмитровском Служ. 1554 г., в смоленском Ев. 1556 г., в Треф. 1597 г. и проходит в той же последовательности, начиная прежде всего с первой группы (кѣѣ — кѣѣ и т. д.).

Столкновение вариации и каморы (которое определяется общим смешением их функций в конечном слоге слова: $\text{т}^{\text{о}}$ и $\text{т}^{\text{б}}$, как $\text{с}^{\text{ел}^{\text{о}}}$ и $\text{с}^{\text{ел}^{\text{б}}}$) отражено в Кормч. 1517 г., в Ев. 1548 г., в Панд. 1570 г., в Треб. 1570 г., в сочинениях Максима Грека 1587 г., в Сб. 1589 г., в Служ. 1592 г., в Пр. 1597 г., в Мин. 1609 г., в Ав. 1619 г., в Ев. 1625 г., в Мин. 1645 г., в Святцах 1655 г.

Между тремя возможными направлениями унификации имеется важное различие:

1) $\grave{\text{а}}$ и $\hat{\text{а}}$ — общерусский тип изменения, которое происходило постепенно, все время сохраняя $\grave{\text{а}}$ для пятой группы слов;

2) $\grave{\text{а}}$ и $\hat{\text{а}}$ также происходило постепенно, но связано только с рукописями южновеликорусского происхождения;

3) $\hat{\text{а}}$ и $\grave{\text{а}}$ приводит сразу к смешению всех групп слов, кроме пятой (но и она включилась в процесс унификации, начиная с рукописи 1587 г.), а, кроме того, как правило связано с рукописями северновеликорусского или предположительно северновеликорусского происхождения.

Что же касается расшифровки этих знаков в конкретных рукописях, то данный вопрос тесно связан с количественными характеристиками текстов и потому рассматривается в связи с классификацией знаков количества («времена»).

На основании проведенного исследования можно представить следующую периодизацию акцентированных русских рукописей и отраженных в них изменений (см. таблицу 4).

Изменение заимствованных акцентных знаков на русской почве шло от синкретизма каждого знака и множества разных знаков к ограничению числа знаков и к функциональному единству оставшихся знаков. Графические средства и орфографические правила определялись потребностями фонологической системы. Хронологические и территориальные варианты показаны в таблице.

Периодизация изменений просодических знаков в русских памятниках XI—XVIII вв.

Характеристика рукописей данного периода и употребление надстрочных знаков						
Период	Орфографическая и графическая характеристика	Акцентологическая характеристика	Оксия	Вария	Камора	Кендема
I XI—сер. XIV в.	Случайное и неустойчивое обозначение словесного ударения различными способами	Обычно в рукописях, предназначенных для чтения вслух	Нет	Нет	Обозначает палатальность или длительность слога	Над буквами $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{И}}}$ $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{Ы}}}$
II сер. XIV— первая чет- верть XVI в.	Замствование и отработка графических средств передачи словесного ударения, связь с количественными и качественными различиями гласных	Преобладание неакцентованных или подражающих южнорусской акцентуации рукописей, русское ударение отражено редко (не словесное, а синтагматическое)	Обозначает место ударения и качество гласного	Обозначает место ударения независимо от позиции в слове	Обозначает место ударения над любым гласным или только конечным (= ')	Употребляется над односложными словами, имеющими лексическое значение
III первая чет- верть XVI в.— конец XVI в.	Отработка графических средств передачи русского словесного ударения с помощью диалектными отклонениями	Резкое увеличение источников с русским ударением, хотя количество редко акцентованных и неакцентованных рукописей еще значительно	Обозначает место ударения в конечном слоге	Обозначает место ударения в любом слове или только в конечном	Обозначает постоянно ударный /о/ в северных рукописях или передает дифтонгичность гласного	Различные направления и эгзипы полного устранения из русской графики
IV рубеж XVI— XVII вв. и весь XVII в.	Максимально упрощенная система (/ и ') с последовательной передачей русского словесного ударения	Только к концу периода снова появляются неакцентованные рукописи, а рукописи с южнорусскими акцентами исчезают вовсе	То же, что и раньше	Обозначает место ударения в конечном открытом слоге	То же, что и раньше	Нет
V с начала XVIII в.	Постепенное устранение знаков ударения из числа активных графических средств	Одинаково и в рукописной, и в печатной традиции	Может обозначать словесное ударение	Нет	Нет	Нет

Сокращения в названиях рукописей

- Чуд. 1355 г. — Чудовской Новый Завет, написанный (предположительно) митрополитом Алексием в 1355 г. (Москва). По изданию: Леонтий. «Новый Завет. . .». М., 1892
- Леств. 1418 г. — Лествица Иоанна Синайского, 1418 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 34/159, 371 лл. (болгарская)
- Леств. 1419 г. — Лествица Иоанна Синайского, 1419 г., ГПБ, Q. п. I. 17 (с сербского оригинала)
- Леств. 1421 г. — Лествица Иоанна Синайского, 1421 г., ГПБ, Погод. 73 (Коломна)
- Сл. 1475 г. — XVI слов Григория Богослова, 1475 г., ГПБ, F. I. 890
- Мин. 1475 г. — Служебная минея 1475 г., ГПБ, Соф. 337 (сербская)
- Четья 1490 г. — Четья-Минея 1490 г., ГПБ, Соф. 1385
- Мин. 1494 г. — Служебная минея 1494 г., ГПБ, Соловецк. 518/537 (Вологда)
- Пс. 1507 г. — Псалтырь 1507 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 1/258 (Москва)
- Ев. 1511 г. — Евангелие 1511 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 31/36
- Кормч. 1517 г. — Кормчая 1517 г., ГПБ, F. II. 74 (Тверь)
- Ев. 1522 г. — Евангелие 1522 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 33/38 (болгарское)
- Тр. 1523 г. — Триодь 1523 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 435/692 (Ростов)
- Книга 1527 г. — Книга келейного и путного правила 1527 г., ГПБ, F. I. 147 (переписана с южнославянского оригинала)
- Ев. 1532 г. — Евангелие 1532 г., Елеазаровского псковского монастыря, Псковское областное древлехранилище, № 103
- Пр. 1532 г. — Пролог 1532 г., ГПБ, Соф. 1327 (Новгород)
- Тр. 1533 г. — Триодь 1533 г., ГПБ, Соф. 91 (по заказу И. А. Кропоткина)
- Ев. 1534 г. — Евангелие 1534 г., ГПБ, Соф. 11 (Вологда)
- Мин. 1534 г. — Служебная минея 1534 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 379/631
- Круг 1536 г. — Круг миротворный 1536 г., ГПБ, F. I. 471
- Четья 1538 г. — Четья-Минея 1538 г., ГПБ, Соф. 1323 (Новгород)
- Служ. 1540 г. — Служебник 1540 г., ГПБ, Соф. 943 (писец Федор Псковитянин)
- Ев. 1542 г. — Евангелие 1542 г., ГПБ, Погод. 119
- Мин. 1544 г. — Служебная минея 1544 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 331/588
- Ап. 1545 г. — Лицевой апостол 1545 г., ГПБ, Соф. 45 (Новгород, со среднеболгарского оригинала)
- Ев. 1548 г. — Евангелие 1548 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 11/136 (Никольский монастырь на Комельском озере)
- Жития 1550 г. — Жития Зосимы и Савватия соловецких 1550 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 35/1274 (Соловки)
- Служ. 1554 г. — Служебник 1554 г., ГПБ, Соф. 757 (Дмитров)
- Ев. 1556 г. — Евангелие 1556 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 34/39 (Смоленск)
- Пс. 1556 г. — Псалтырь 1556 г., ГПБ, Погод. 94 (Переяславль-Залесский)
- Служ. 1560 г. — Служебник 1560 г., ГПБ, Соф. 758 («писец Васка Тотмянин писал в Каргополье»)
- Треб. 1566 г. — Требник 1566 г., ГПБ, Соловецк. 1090/1193 (Соловки)
- Пс. 1566 г. — Псалтырь 1566 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 60/317 (Вологда)

- Мин. 1569 г. — Минея 1569 г., ГПБ, Соловецк. 631/533 (Александров)
- Панд. 1570 г. — Пандекты Никона Черногорца 1570 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 28/1105
- Треб. 1570 г. — Требник 1570 г., БАН, Архангельск. 933, Сийск. 6
- Ев. 1573 г. — Евангелие 1573 г., ГПБ, Соловецк. 58/136 (писец Феоктист Москвитянин в Соловках)
- Пр. 1581 г. — Пролог 1581 г., ГПБ, F I. 910
- Житие 1587 г. — Житие Андрея Юродивого 1587 г., БАН, 33. 5, 9
- Пс. 1587 г. — Псалтырь 1587 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 78/335
- Грек 1587 г. — Слова и сказания Максима Грека 1587 г., БАН, Архангельск. Д. 42 (написана в Печерском монастыре для пустыни в Пошехонье)
- Сб. 1589 г. — «Корнильевский» сборник 1589 г., ГПБ, Соф. 439 (Корнильевский монастырь)
- Тр. 1589 г. — Триодь 1589 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 419/676 (писана «на Дорогомиловъ»)
- Кормч. 1590 г. — Кормчая 1590 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 1/1078 (писец Азацкий в Кирилло-Белозерском монастыре)
- Служ. 1592 г. — Служебник 1592 г., ГПБ, Соф. 1026 (Старая Русса)
- Об. 1594 г. — Обиходник Троице-Сергиева монастыря 1594 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 735/992
- Тр. 1596 г. — Триодь 1596 г., ГПБ, Соф. 108 (писец Гришка Белозерец)
- Треф. 1597 г. — Трефологий 1597 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 448/705 (писец Семейка Белозерец)
- Златоуст 1597 г. — Златоуст 1597 г., ГПБ, Соф. 1266 (Новгород)
- Пр. 1597 г. — Пролог 1597 г., ИРЛИ, Пер. 80 (писец шилангский поп Козьма)
- Служ. 1598 г. — Служебник 1598 г., ГПБ, Соф. 957 (Хутынский монастырь)
- Сб. 1598 г. — Сборник 1598 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 497/754 (писец Азацкий)
- Пс. 1599 г. — Псалтырь 1599 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 56/313 (писец Азацкий)
- Служ. 1603 г. — Служебник 1603 г., ГПБ, Соф. 1020 (Пежма)
- Мин. 1609 г. — Служебная минея 1609 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 393/650
- Тр. 1611 г. — Триодь 1611 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 441/698 (писец Исайя Вогнемский в Кирилло-Белозерском монастыре)
- Тр. 1619 г. — Триодь 1619 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 434/691 (писец тот же)
- Ав. 1619 г. — Сочинения аввы Дорофея 1619 г., ИРЛИ, Пер. 31 (Рожеезеро)
- Пс. 1623 г. — Псалтырь 1623 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 113/370 (Холмогоры)
- Ев. 1625 г. — Евангелие 1625 г., ГПБ, Соловецк. 74/146 (Соловки)
- Сб. 1629 г. — Лицевой сборник 1629 г., ГПБ, ОЛДП, Q. 17 (Самара)
- Служ. 1631 г. — Служебник 1631 г., ГПБ, Соф. 900 (писец воскресенский поп Стефан Симеонов)
- Сб. 1636 г. — Сборник 1636 г., ГПБ, Q. XVII. 118 (Новгород)
- Сб. 1645 г. — Сборник 1645 г., ГПБ, Q. II. 102 (Серпухов)
- Мин. 1645 г. — Служебная минея 1645 г., ГПБ, Соловецк. 499/518 (писец Родионище Казанец)

- Златоуст 1649 г. — Златоуст 1649 г., БАН, 31.6.31 (Осн. 866)
(Чаронда)
- Святцы 1655 г. — Святцы до 1655 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 503/760
- Служ. 1658 г. — Служебник 1658 г., ГПБ, Соф. 919 (Пудож)
- Сб. 1659 г. — Лицевой сборник 1659 г., ГПБ, ОЛДП, Ф. 406 (Ярославль)
- Служ. 1676 г. — Служебник 1676 г., ГПБ, Соф. 903 (Олонец)
- Ев. 1678 г. — Евангелие 1678 г., ГПБ, ОЛДП, 0—242 (Астрахань)
- Ав. — Житие протопопа Аввакума (автограф), 70-е гг. XVII в., БАН, собр. Дружинина 746
- Ап. 1693 г. — Апостол 1693 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 119/124 (писал Герасим Новгородец в Кирилло-Белозерском монастыре)
- Син. 1696 г. — Синодик домово́й церкви боярина А. А. Матвеева 1696 г., ГПБ, Q. I. 870
- Тетради 1696 г. — «Тетради» старца Авраамия (автограф), 1696 г. ИРЛИ, Пер. 139
- Книга 1697 г. — Вкладная книга с описанием городов Сибири 1697 г., ГПБ, Ф. IV. 76.
- Сл. 1698 г. — Слово в день пятидесятый, 1698 г., ГПБ, Q. I. 215